

ИГОРЬ СЕРЕДЕНКО

НА КРЫШЕ МИРА

Секретные экспедиции

Игорь Середенко

На крыше мира

«ИП Стрельбицкий»

Середенко И.

На крыше мира / И. Середенко — «ИП Стрельбицкий»,

Следователь по уголовным делам, Сергей Ефремов, расследует ряд краж одиноких вдов, у которых были похищены драгоценности. В процессе расследования и поиска, казалось, неуловимого преступника, он начинает понимать, что имеет дело с хорошо организованной преступностью, вершина которой находится в правительстве, и потому недостижима. Неожиданно, из Австралии ему приходит странное письмо, в котором ему сообщает некая юридическая фирма о том, что его пропавший, более тридцати лет тому назад, отец составил на него завещание. На небольшом чердаке, где когда-то он проводил время в детстве, Ефремов обнаруживает, покрытым пылью и пролежавшим без внимания более тридцати лет, последнее письмо отца. Он и предположить не мог, что все последующие головоломки, которые ему приготовил его отец, приведут его на край мира в логово зловещего и вечного зла, которого когда-то нацистская экспедиция в Тибет назвала Королем ужасов.

Содержание

Глава 1. До последнего патрона	6
Глава 2. Экспедиция в Тибет	9
Глава 3. На крыше Мира	14
Глава 4. Шахта со стальной дверью номер восемь	20
Глава 5. Смертельный след	24
Глава 6. Неожиданный поворот в деле	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Игорь Середенко

На крыше мира

И сказал Господь сатане: обратил ли ты внимание твоё на раба моего Иова? Ибо нет такого, как он, на земле: человек не порочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла.

И ответил Сатана Господу и сказал: разве даром богобоязнен Иов?

Евангелия. Книга Иова [8, 9].

Глава 1. До последнего патрона

Май 1945 г. Берлин.

Бой был ожесточённый, за каждое здание, за каждую улицу. Чем ближе русские войска подходили к фюрербункеру, тем большее сопротивление они испытывали. Закалённые в многочисленных боях русские солдаты выбивали фрицев из их логова, очищая развалины: этаж за этажом, комнату за комнатой, оставляя позади тела убитых с обеих сторон.

Но вот капитан одной из стрелковых рот заметил, что упорство немцев превратилось в неприступную крепость, словно они были сделаны из стали. На смену убитого появлялся новый боец. Кто-то заметил, что окраска военной формы фрицев приобрела чёрный цвет, казалось, тьма помогала немцам. Русские солдаты укрылись за развалинами, изредка постреливая, экономя патроны.

– Ты видел их? – спросил капитан у солдата лет пятидесяти, с сединой, коренастого.

– Лишь чёрные формы. Упрямые гады.

– Это подразделение «СС». Видал их раньше?

– Лишь тела, живыми – нет.

– Передай нашим, – обратился капитан к радисту, – пусть подкатят пушки и обстреляют тот квартал. Засели, суки, не выбьешь. Радист включил рацию, одел наушники.

– Передали, что через полчаса смогут обстрелять этот квартал, – ответил радист.

– Хорошо, мы подождём.

– Капитан, приказали добыть пленного, желательно офицера «СС», – добавил радист.

– Передай, что постараемся. Все слышали, – сказал капитан, обращаясь к солдатам.

Рота расположилась у полуразрушенной стены. Окруженные, загнанные в мышеловку немцы, что-то заподозрили и отчаянно вели огонь по укрывшимся за стенами русским солдатам.

– Видишь, как усердствуют, – сказал капитан. – Чувствуют, что конец их близок.

– Это они в агонии, товарищ капитан, – ответил молодой рыжеволосый солдат. – Надо им помочь...

– Подождём, – ответил капитан. – А знаете где мы?

– В Берлине, бьём фрицев, – кто-то ответил.

Раздался смешок среди солдат.

– Не просто в Берлине, – сказал капитан. Судя по карте, впереди рейхсканцелярия Германии. Центр зла.

– Когда мы очистим это здание, – ответил пожилой солдат, – его надо взорвать, чтоб камень на камне не остался.

– Я слышал, там Гитлер прячется, – сказал молодой солдат.

– Гитлер и Геббельс, – ответил капитан. – Там их апартаменты.

– Что, неужели эти нелюди там живут?

– Вероятнее всего, что их там уже нет, сбежали.

– Дайка погляжу.

Молодой человек высунул голову и увидел большое трёхэтажное здание, откуда вёлся огонь.

– Пригни голову, не дури! – сказал пожилой солдат, взяв рыжеволосого юнца за руку и оттащив от края разбитой стены.

– Вы чего, – обиженно сказал парень, – я хотел поглядеть на окна. Вдруг увижу...

– Что, Гитлера там хотел увидеть? – язвительно спросил капитан. – Гитлер в бункере, он боится драться. Скрылся за толстыми стенами.

- Что за бункер?
- Под рейхсканцелярией находится фюрербункер, где скрываются Гитлер и его окружение. Разве не знал?
- Нет.
- А ты хотел увидеть Гитлера в одном из окон, с автоматом в руках?
- Раздался смех среди солдат.
- Эта крыса надёжно спряталась в своём логове. Так просто не выкурить.
- В этот момент послышались многочисленные взрывы.
- Артиллерия била по зданию, стены трескались, падали камни. Солдаты, укрывшись за стеной разрушенного здания, ждали окончания артобстрела.
- Кажись, прекратили, – заметил капитан. – Пора в бой.
- Он огляделся, его товарищи поднимались из своих укрытий.
- Ну вот, теперь, Алёша, – обратился капитан к пытливому молодому человеку, – ты можешь взять в плен какого-нибудь эсэсовца. Там их много будет. Мы им немного дали по зубам.
- Молодой человек не ответил, его не было рядом. Вместо него ответил пожилой солдат.
- Не сможет Алёша больше воевать, и Гитлера он так и не увидит. Не сможет ему сказать, стоя один на один...
- Снайпер, – с грустью сказал командир, глядя на рыжие кудри и молодое безжизненное лицо.
- Еще минуту назад, мы говорил с ним.
- Тело погибшего Алексея свисало со стены. В голове виднелось пулевое отверстие.
- Он хотел увидеть Гитлера, – добавил пожилой солдат, – и сказать ему все, что... – какой-то сильный, невыносимый спазм сковал голосовые связки, не дал закончить фразу.
- Ничего, – ответил капитан. – Мы побываем там, и я лично напишу его имя на развалинах рейхсканцелярии.
- Солдаты ринулись в бой. Они перебежали площадь, разделявшую их и трёхэтажное здание, где укрывались оглушённые фрицы. Уже на подходе к зданию вновь раздался выстрел, но они были направлены не на площадь, не на тех, кто атакует. Ни одной пули не было выпущено по площади.
- Стреляют внутри!
- Странно это.
- Одиночные выстрелы всё ещё были слышны из глубин огромного здания.
- Рота, под командованием капитана, ворвалась внутрь рейхсканцелярии. Странная картина предстала перед ними. На полу лежали тела эсэсовцев, в разных предсмертных позах. Все они были убиты – но каким странным образом. В головах трупов виднелись дырки.
- Я не помню, что бы мы так прицельно стреляли.
- Мы вообще не стреляли, – ответил капитан, задумавшись. – Мы вели огонь снаружи, а тела внутри.
- Их добились, свои же, – догадался кто-то из солдат.
- Один из солдат подошёл к труп, наклонившись над ним.
- Капитан!
- Что, есть раненый?
- Капитан подошёл ближе.
- Нет, этот тоже мёртв. Но если он немец, то я эскимос.
- С чего ты взял, что... – капитан замолчал. Его внимание привлекло лицо мёртвого эсэсовца. Лицо было необычным для немца. Узкие глаза, широкие скулы. Это было очень красивое лицо азиата.
- Кто он?

- Японец, – предположил пожилой солдат. – Союзник немцев.
- Это не японец, – сказал кто-то из солдат.
- Почему ты так считаешь? – спросил капитан.
- Когда-то до войны к нам в город, я живу в Бурятии, приезжали рабочие из Японии.

Они худые, маленькие, разрез глаз более узкий, скулы. – Он задумался, – не такие...

- Широкие, – догадался капитан.
- Совершенно верно.
- Товарищ капитан, – там тела ещё пятерых азиатов. – Вы были правы.
- Насчёт чего?
- Они своих добивают.
- Жестокие, – сказал пожилой солдат.
- Не хотят сдаваться в плен, – предположил капитан. – Что ж, так мы легче пройдем

дальше.

Азиаты, облаченные в чёрную эсесовскую форму, вели ожесточённое сопротивление. Они бились до последнего патрона, добивали своих раненных, в плен не сдавались. Они, казались, столь же бесстрашными, сколь преданными своему хозяину. Казалось, что смерть была их командиром, указывая им путь в преисподнюю.

Глава 2. Экспедиция в Тибет

1939 год, Тибет.

Горы, эти величественные великаны, поднявшиеся над равниной, цепью окружили старинный город, храня его от всех бед огромного мира. Здесь, в уединении, в окружении горных хребтов, укрылся причудливый город, жители которого не знали войн и ненастья. В своём, казалось бы, незамеченным никем существовании, город Лхасу жил своей девственной жизнью. Здесь, на крыше мира, располагалась резиденция регента Тибета Квотухту. Красивейший красно-белый дворец величаво взирал на город, окаймлённый высокими стенами.

Немецкая экспедиция, под руководством штурмбаннфюрера СС Эрнста Шеффера, добралась до резиденции красивейшего древнего строения, напоминавшим замок, к вечеру на закате дня, когда солнце уже скрылось за пиками горных хребтов, озолотив их, словно божественной аурой.

Проводник, родом из Тибета, владеющий немецким языком, перевёл речь монаха, встретившего церемонно экспедицию.

– С регентом вы можете встретиться завтра утром. А сегодня отдыхайте. Вас проведут монахи и расположат в комнатах. Там всё готово для вас.

– Вы с нами будете? – спросил Шеффер проводника. – Я нуждаюсь в переводчике. Мне бы хотелось, чтобы вы...

Монах жестом подозвал проводника и шепнул ему что-то на ухо. Шеффер выждал.

– В этом нет надобности, – ответил, улыбаясь, проводник. – Далай-лама знает немецкий.

Шеффер не показал вида, что удивлён. Он лишь качнул головой, добавив:

– Отлично.

Доктора Бруно Бегера и Эрнста Шеффера расположили в одной комнате, где окна выходили во внутренний двор. За окном была приятная тишина. Тени, спустившиеся с гор, заполняли дворик, укрывая резиденцию Далай-ламы теплым покрывалом сумерек. Вечер был тёплым, во дворе стали зажигаться фонарики, свет которых приятно ложился на древние стены и причудливые внутренние постройки резиденции.

– Да, сами бы мы не окунулись в это хранилище истории, – сказал Шеффер, сидя у окна, наслаждаясь приятной прохладой ночи.

Доктор Бегер распаковывал чемодан, вынимая из него сложенные в несколько раз карты, стопку тетрадей, несколько книг.

– Благодарите вашего покровителя.

– Вы имеете в виду рейхсфюрера Гимmlера? – спросил Шеффер. – Это же он организовал и спонсировал нашу экспедицию.

– Только между нами, Эрнст. Гимmlер мало образован в науках. Его лишь интересуют деньги и власть. И вы – тот, кто ему даст это.

– Нет. Это было бы выше моих сил.

– Что здесь, в бедном городе, вдали от Европы, можно взять, кроме бедности? – спросил Бегер.

– Вот здесь вы ошибаетесь. Гимmlер не так глуп, как вы его считаете. Да, он солдат, и готов отдать жизнь за фюрера и Германию. Он, конечно же, ничего не понимает в науке, но рейсхфюрер политик. Богатство и власть над миром Германии, некогда потерявшей своё могущество, дадут другие. Скорей всего это будут банкиры и солдаты.

– Солдаты? – удивился Бегер, укладывая книги у стенки.

– Да, да, Бруно, солдаты. Но для того, чтобы солдаты имели нерушимый воинский дух, нестигаемую волю, нам с вами предстоит не только найти центр могущества – Шамбалу, как её здесь называют, но и доказать, привести факты того, что есть крыша Мира.

– И мы достигли крыши Мира?

– Да, Бруно. Именно здесь, в Лхасу, где обитает регент Квотухту, находится древний, утерянный центр Мира.

– Я не совсем понимаю. Когда ты пригласил меня в эту экспедицию, как антрополога, то сказал, что я буду изучать местное население, то есть выполнять простые научные измерения. А теперь ты утверждаешь, что мы находимся не в деревне, вдали от цивилизации, а в каком-то божьем царстве.

– Всё верно. Цель экспедиции, истинная цель, была известна только мне. Я твой руководитель.

– Ты ведь здесь уже был.

– Верно. Я был в Тибете в двух экспедициях: в 31-й, 32-й годы, и с 34-го по 36-й года.

– Насколько я знаю, немецкой экспедиции в Тибет не было, – с сомнением сказал Бруно.

– Ты прав. Это были американские экспедиции.

– Что же они искали? Надеюсь не Шамбалу.

– Нет, мы проводили те же исследования, что и сейчас. Тогда я собирал зоологические и ботанические экземпляры. Насекомые, растения, животные...

– Это понятно, как биолога тебя это интересовало. Но что ты теперь намерен делать, неужели опять исследовать насекомых?

– Нет, конечно же, нет. На этот раз наша миссия куда более значимая. Шамбала – это не простой звук, не пустое слово. Конечно же, нет. Теперь наша миссия куда более значимая. Ни ты, ни я не готовы верить в Шамбалу, как некую божественную силу, могущество. Но это и не нужно.

– Стало быть, мы не будем изучать местный фольклор и древние мифы о несуществующей мистической силе.

– Верно, главное, чтобы в эту силу поверили все остальные. Если с нами будет сам Бог, то фюреру покорятся все народы.

– Теперь понимаю замысел рейхсфюрера. Он дальновидный политик.

– Гитлер одобрил его план и нашу экспедицию. На нас возложена великая миссия, которая останется в истории.

– И, как я понимаю, – иронически сказал Бруно Бегер, – нас впереди ожидает большой труд.

– И великий. Не каждый день приходится доказывать, что Бог существует, – заметил Шеффер.

– Все, кто это доказывал, рано или поздно плохо кончали, – мрачно заметил Бегер. – Что же ты хочешь от меня? – спросил Бруно, глядя смело товарищу в глаза, ожидая реальных целей.

– Мы будем делать свою работу, как и всегда. Биологи будут исследовать животных, географы – карты, геологи – минералы, геофизики – землю, а антропологи и этнографы, как ты, будут изучать коренных тибетцев.

– А кинооператор, который нас от самого Берлина снимает?

– Он, между прочим, из нашего института Анен Эрбэ. Пусть его камера незаметно шумит, он привезёт доказательства, снятые на плёнку. Гиммлер может ничего не понимать в антропологии и геофизике, но посмотреть, увидеть нашу работу захочет.

– Ясно. Я заметил возню геофизиков ещё на горе Канченджанги, когда они устанавливали там какие-то передатчики сейсмоактивности. Зачем фюреру или рейхсфюреру знать о сотрясении земной коры в Тибете?

– Это их работа, геофизиков. Оставим их. Лучше поговорим о твоей работе.

– Я уже понял, что мне предстоит измерять самое отсталое население, тех чудаковатых богов, в их красных облачениях. И кому только такая дурацкая идея пришла в голову?

– Мне, мой друг, мне. Ты удивлён?

– Ничуть. Заставить своего лучшего друга тащиться чёрт знает куда...

– На крышу Мира, – поправил его Шиффер, улыбаясь.

– Да, на эту чёртову крышу Мира, чтобы изучать каких-то желтокожих, полуграмотных мужиков. Спасибо, что твой быстрый и изворотливый разум не привёл меня в Африку, к чёрным.

– Ты не прав. Во-первых, ты учёный, и тебе должно быть интересно изучение жизни и быта тибетцев.

– А во-вторых? – с иронией спросил Бегер, всё ещё ожидая ответа.

– Во-вторых, и в главных, тебе предстоит самая трудная задача нашей миссии.

У Бегера поднялись брови от удивления.

– Тебе предстоит, – продолжил Шеффер, после короткой паузы, в течение которой, друг проникся важностью задачи, – не просто исследовать строение черепов этих тибетцев, но и доказать, что наша раса имеет общие корни с древней господской расой.

– Поясни, – заинтересованно сказал Бегер. Похоже, что слова его товарища разожгли в нём некоторые мысли.

– Нам, Германии, Гиммлеру необходимо обоснование расовой теории господ и рабов. Мы должны здесь, в Тибете найти наследие древней расы господ.

– Германских арийцев?

– Верно. Тебе предстоит доказать, что германская цивилизация является более древней, чем египетская цивилизация.

– Ого! И ты считаешь, что в Тибете я должен найти следы древних господ арийцев? Да тут не только арийцев, тут даже цивилизацией не пахнет. Эти темные коротышки всю жизнь прятались в горах, не высываясь. Какая могущественная цивилизация, какая раса господ? Им бы дожить незаметно, спрятавшись за этими камнями, – возмущенно сказал Бегер.

– Найти или доказать, неважно. Все нации мира должны поверить, что мы, немцы, имеем происхождение от древних богов.

– Сверхлюдей?

– Пусть будет так, сверхлюдей.

– А если кто-то не поверит в наши исследования?

– Поверят, а кто будет сопротивляться, воюя против нас, – мы сотрём их с лица земли.

– Принесём в жертву богу?

– Отличная идея. Люди суеверны.

– И кого же Гиммлер готов принести в жертву? – спросил Бегер.

– Почём я знаю: африканцы, арабы, евреи, или цыгане, какая расница.

– И ты считаешь, что другие нации: французы, англичане, русские поверят в то, что мы имеем корни древних богов – атлантов, живших когда-то? О них ничего не осталось, лишь несколько смутных упоминаний в мифах, случайно сохранившихся.

– Не случайно, Бруно, не случайно. Я давно изучаю живое, населяющее планету. Так вот, в своих исследованиях многие учёные полагают, что в этом мире, созданном кем-то, нет случайностей, всё предопределено и достаточно разумно устроено, развивается по своим, пока ещё закрытым для человека законам.

– И кто же это предопределил, кто создал этот мир, кто хозяин человеческой расы? – саркастически спросил Бруно.

– Надеюсь, Бог.

– То есть ты не веришь в теорию Дарвина? – спросил Бруно Бегер.

– Теория Дарвина – это хаос, а из хаоса не может появиться разум. Ты-то, как ученый, должен это знать. Теория Дарвина – это ширма для необразованных и наивных людишек, готовых поверить во всё, что ими определено или осязимо. Законы в таком мире, в мире приматов и насекомых не будут логичными. Цепь развития давно бы распалась, и человека бы не было. Но ведь есть и существует такие понятия, как сообщество, адаптация, симметрия. Живой организм – это симметричное существо, у него имеются пары органов: два глаза, два уха, мозг состоит из двух половинок...

– Это ясно, дальше что?

– Всё это необходимо для выживания и развития. А каков идеальный механизм адаптации – приспособление к жизни, формирующий программирование инстинктов и правил поведения, не только индивидуальные, но и коллективные, как это наблюдается у людей. А каково разумное многослойное распределение рецепторов внутри тела живого организма, каждый рецептор отвечает только за свою функцию. Разве это всё может появиться из хаоса? Ты попробуй найти в этом мире хоть одну сущность нелогичную, не нужную, не имеющую смысла...

– Ну, хорошо, хорошо, убедил, не зря ты биолог, а я всего лишь этнограф и антрополог, – сдался Бегер. – Но скажи мне, доктор Шеффер, а как быть с генетикой? Ведь наций много: белые, чёрные, жёлтые, высокие, худые, толстые, кривоногие, узколикие, короткие, красивые и уродливые, глупые и способные...

– Я понял, к чему ты клонишь. Эту идею мне подсказал один старый биолог, мой учитель, мир его праху.

– Поделись с другом, – настойчиво сказал Бегер.

– Хорошо, слушай. Мой учитель полагал, исходя из генетики, что такие народности, как негроидная, а также азиаты несут плохие гены.

– Что он имел в виду? – спросил Бегер.

– Уродуют человека, портят его генетику, скрещиваясь с белыми. Он считал, что когда-то, во времена атлантов существовала лишь одна белая раса.

– Стало быть, лучшая раса – люди с белой кожей? Но откуда тогда взялись другие расы?

– Он выдвинул несколько предположений, и все они ведут к тому, что иные расы не были доминирующим звеном в развитии человека.

– То есть, поясни?

– Они были рабочей силой, – ответил Шеффер. Участвовали в строительстве городов.

– Ты хочешь сказать, что они были рабами?

– Не обязательно, но они не имели привилегий.

Бруно вытянулся, словно демонстрируя благородное происхождение.

– Возможно, эта вся прислуга, увеличившись в количестве и наглости, заявила о себе – перестала подчиняться. И началось восстание, бунт – кровавый и беспощадный. Это была война на выживание, как среди животных видов, конкурентов, борющихся за свой ареал.

– Если Бог создал разумный мир, как ты утверждаешь, то почему не предвидел эту бойню. Ведь она – явно вышла из под контроля, и является, скорее детищем хаоса, а не разумного закона.

– Как знать, как знать. Ведь человечество до сих пор ничего не знает о своем создателе. Так вот, слушай дальше. Одна из его теорий, моего учителя, говорит о том, что и среди людей с белой кожей тоже не всё ладно. Шло время, человечество менялось, смешивалась кровь. Возможно, это произошло из-за войн, как ты предположил. Белая раса тоже изрядно

мутировала. Его расчёты, которые он вывел, исследуя сотни случайно выбранных людей из разных стран Европы, показывают, что блондины имеют плохие гены.

– Что же он советует? К каким выводам он пришёл?

– Он считает, что человечеству ещё не поздно объединить усилия и вновь воссоздать расу господ.

– Как же он считает это возможно?

– Путём скрещивания, как это делает природа, но разумно. Для появления новой расы нужно взять белого человека и человека с монголоидной расы.

– Монгола? – удивился Бегер.

– У немцев вытянутое лицо, а у монголов широкие скулы. Сочетание того и другого дадут правильные черты лица, схожие с атлантами.

– Да, не зря монголы так легко завоевав полмира, господствовали долгое время.

– Их раса спала до определённого момента, а затем проснулась и вспомнила, кем они были. Эта сила, что когда-то пылала в наших телах – сила лидеров, не утратила своей мощи, она просто уснула, как мамонт во льду, – сказал Шеффер.

– Как же эта теория осуществима, если кровь за много десятков тысяч веков изменилась, разбавилась?

– Необходимо выбрать среди немцев самых стройных, здоровых, с правильным, без патологии, строением скелета и...

– Что?

– Эти женщины будут матерями будущих арийцев – расой господ, властелинов мира. Мы должны исправить ошибку Бога. Эта миссия возложена, а быть может, и запрограммирована Создателем.

Шеффер сел на кровать, зарылся в одеяло, съёжившись.

– Холодно здесь ночью, – сказал он. – Да, на счёт блондинов, я пошутил. Это не проверенная гипотеза. Есть лишь малые догадки. Ты знаешь, сколько среди любимцев фюрера блондинов. Кое-кто из ставки считает, что арийцы, истинные арийцы, должны быть блондины с голубыми глазами.

– А ты что считаешь?

– А что я могу сказать. Нам платят, и я выполняю работу.

– Но, как я понимаю, начальство имеет свои виды на счёт внешности сверхчеловека, – с иронией сказал Бегер.

– Я ничего не имею против синих глаз и белых волос, а ты?

– Мне тоже всё равно.

Глава 3. На крыше Мира

На встречу с регентом Тибета Квотухту пошли Шеффер и Бегер. Квотухту говорил с ними с почтением, как говорят с важными компаньонами. Он заметил, что их встреча не случайность. Назвал её встречей западной и восточной свастики, которая послужит во благо процветания двух стран. После короткой, но тёплой, дружеской, почти братской беседы, они посетили священное место Ярланг, где прошли древние ритуалы и религиозные танцы в ритуальных масках, а также бонские обряды вызывания духов.

После религиозной церемонии, которая должна была скрепить дружбу между Тибетом и Германией, и придать этому союзу духовные, древние корни, сделав его как необходимым, неизбежным – так хотели предки, такова воля богов, регент подарил фюреру в знак верности Ганджур – свод буддийских священных текстов в ста восьми томах. Тексты должны быть доставлены экспедицией фюреру по возвращении в Германию.

Шеффер передал Квотухту письмо от фюрера, где была выражена огромная признательность за сотрудничество и обещана поддержка в популяризации буддизма на востоке, с повышением влияния силы Далай-ламы на всей поднебесной и прилегающих ей стран. О такой поддержке Квотухта и не мечтал, но узнав о мощи Германии, её возможностях, он решил не возражать против сотрудничества. В любом случае – победы или поражения Германии, Тибет ничего не потеряет.

Тибетский регент с вдохновением сел за стол и написал ответ Гитлеру: «Глубокоуважаемый господин король Гитлер, правитель Германии. Да прибудет с вами здоровье, радость покоя и добродетели! Сейчас вы трудитесь над созданием обширного государства на расовой основе. Поэтому прибывший ныне руководитель немецкой экспедиции сахиб Шеффер не имел никаких трудностей в пути по Тибету. В Лхасу, где находится экспедиция, мои люди будут всячески способствовать столь важным научным исследованиям Шеффера и его коллег. Надеюсь, что эти исследования принесут великую пользу для всего германского народа и послужат новым прорывом в развитии человечества. Примите, Ваша светлость, король Гитлер, наши заверения в дальнейшей дружбе! Написано 18 числа первого тибетского месяца, года Земного зайца».

Регент передал запечатанное письмо с регалиями Далай-ламы своему секретарю. На следующий день секретарь регента торжественно вручил доктору Шефферу письмо со словами:

– Квотухту искренне уверен, что подписание пакта с высшими силами изменит на тысячелетия жизнь на земле и придаст смысл ныне бесцельному уделу человечества.

Шеффер принял письмо и передал благодарность регенту.

– По вашей просьбе, – продолжил секретарь, – у вас останется в качестве переводчика ваш проводник. И ещё мы вам дадим в сопровождение по Лхасу, нашего помощника. Это преданный и исполнительный молодой человек. Он поможет вам в трудностях, которые могут возникнуть в ваших перемещениях по древнему городу.

– Благодарю, – ответил Шеффер, подумав про себя: «этот будет следить за каждым нашим шагом, а потом докладывать начальству. Что ж, пусть будет так. Доверяй, но проверяй».

В девять утра, когда солнце изливало свои яркие потоки на город, шестеро членов экспедиции и двое сопровождающих тибетцев поднялись на склон горы. Позади них, в светлых лучах солнца блистал Будалинский дворец. Его величественная середина из красного камня, где находились главные строения дворца, была окружена высокими стенами, построенными из белых камней, словно дворцу, помимо неприступных и высоких гор, нужна была еще какая-то защита. Это красно-белое пятно ослепительно сияло на фоне причудливых гор.

Шеффер предложил фотографу сделать снимок членов экспедиции на фоне дворца. Пятеро немцев, молодых (средний возраст двадцать семь лет) исследователей и двое азиатов сели на камень. Бегер не выпускал изо рта трубку, продолжая зачарованно смотреть на горы.

Усевшись на камне, и свесив ноги, на которых были надеты сапоги до колена, эти молодые бородатые люди, беззаботно улыбаясь, в их сердцах гуляла романтика, скрываясь за занавесом легкой настороженности в предвкушении небывалых открытий. Помощник секретаря регента Сяо, приставленный к экспедиции держал строгость, подобающую человеку его должности. В лицах молодых учёных проскальзывала надежда на успех в дальнейшей работе.

– Какова высота самой большой горы? – спросил Шеффер у Сяо.

Понадобилась помощь проводника.

– Выше пять с половиной тысяч метров, – ответил переводчик.

– Эта река, что проходит через город, она, видимо, тянется с этих гор? – спросил Шеффер.

– Да, её название Кьи-чу, она берёт начало в горах и имеет несколько рукавов.

Бруно Бегер, прознав про большую кладовую древних рукописей и книг от Сяо, пожелал отправиться в горы, где находится многотомное хранилище древних рукописей. Сяо позволил ему, но дал в сопровождении монаха.

В одной из комнат хранилища, расположенного в замке, Бруно Бегер, провозившись там несколько часов, наткнулся на странный рисунок. Изображение было на старинной дощечке, о которой он рассказал Шефферу.

– Почему же ты её не принёс? – спросил Эрнст.

– Монах сказал, что её можно лишь изучать, но выносить за пределы хранилища нельзя, – пояснил Бегер.

– Что на ней изображено? Что тебя так удивило?

– Это был рисунок земли.

– Земной шар? – удивленно спросил Эрнст.

– Да. Но рисунок не просто земного шара. Он был изображён полым.

– Что? Полая земля? – еще раз удивился Шеффер, на этот раз он не скрывал своей заинтересованности.

– Да. Я спросил, сколько лет этому рисунку?

– И сколько?

– Монах-библиотекарь точно не ответил. Он сказал, что его прадед видел этот рисунок, и считает, что ему более трёх тысяч лет.

– Это вряд ли, – усомнился Шеффер.

– Может быть, это фантазия художника, пожелавшего изобразить шар голым.

– Что же там внутри? – с любопытством спросил Шеффер.

– Это не всё, что меня удивило. На рисунке были изображены два входа в центр земли: на северном и южном полюсах.

– Любопытно.

– Когда я уходил, монах вдруг ухватил меня за руку и сказал шёпотом: «там находится спящая сила».

– Внутри земли?

– Видимо, он это имел в виду, – ответил Бруно.

– А что ты вообще искал в библиотеке?

– Происхождение народа, его историю, обычаи, ритуалы.

– Понятно.

– Это не всё. Я спросил его о Шамбале. Он показал мне полку с книгами и древними рукописными дощечками и добавил: «Учение Шамбалы, настолько священо и высоко, что

даже незначительная крупица знания Шамбалы, сама по себе благодатна и может кардинально изменить жизнь человека на земле, в этой жизни».

– Что значит «в этой жизни»?

– Тибетцы верят в реинкарнацию человеческой души.

– Души умерших, ищущие новое тело, – иронически сказал Шеффер. – Бессмертное ищет уединение и защиту в смертном и тленном. Как улитка ищет раковину, чтобы выжить. Ты веришь в это?

– Я понимаю твою иронию. Ты биолог, и привык доверять лишь фактам, и выводить законы на опытах, но я антрополог и этнограф. Меня всегда интересовал человек, его мысли, действия, история, и, конечно же, душа, как нечто неопределенное, таинственное, прячущееся за ликом грешника.

– Что такое, ты поверил тибетскому мифу о спящей силе под землёй? Словам какого-то полуграмотного монаха.

– Нет, разумеется, нет, но... – он задумался, – но нужно ли искать эту силу в мистическом несуществующем месте? Может она находится внутри человека, в его сердце, и нам следует лишь прислушаться к себе, хоть немного?

– Я не могу тебе сказать об этом месте, – вздохнув, ответил Шеффер, – насколько оно велико и древнее, но хочу сказать о своём взгляде. Я давно уже замечал, что в истории развития человечества есть одна странная связь. Рядом с бесценной культурой, стоящей много миллионов, обрамлённой золотом, не имеющем цены творениями скульпторов и художников, человек изменяется, он чувствует себя властелином мира.

– Ты хотел сказать господином мира.

– Да, сверхчеловеком, богом. Ты сними отпечаток этого рисунка. Для Гиммлера, ему это понравится.

– Хорошо, это не сложно. Завтра хочу сделать анатомические измерения тибетцев, – сказал Бруно Бегер. – А что наши геологи и физики, чем заниматься будут?

– Собираются в горы. Сейсмическая активность, минералы – это их удел. Я же займусь насекомыми и животными. Говорят, что где-то в горах неплохо сохранились скелеты древних животных. Кстати, монахи что-то говорили о древнем кладбище людей. Не интересуешься?

– Ты серьёзно, – заинтересовался Бруно. – Если хочешь, пойдём вместе в горы, там разделимся.

– Договорились.

В городе и прилегающих селениях доктор Бруно Бегер провел многочисленные измерения. Вскрыть могилы ему не разрешили. Зато он мог свободно проводить анатомические измерения среди живущего населения. Впрочем, обратившись к Сяо, Бруно всё же разрешили войти в усыпальницу со старыми захоронениями, чему он был чрезвычайно рад, и где он провёл снятие гипсовых масок. В селениях сделал множество антропологических измерений местного населения. Он изучал строение местного населения для выявления нордических примесей.

Один из старых монахов, работающих во дворце с книгами, где Бруно было позволено сделать копию странного древнего рисунка полой земли, посоветовал ему посетить старинное захоронение, хранящееся под дворцом, в глубинах подземных строений, напоминающих братскую усыпальницу. Один из монахов провёл его по мрачным туннелям к древним захоронениям.

Очевидно было, что человек здесь бывал редко. По словам монаха, кое-как говорившего на английском языке, Бруно понял, что скелеты (их было более трёхсот) принадлежали некогда слугам и родственникам Далай-ламы, которые когда-то служили и повелевали своим народом.

По внешнему виду многим скелетам – довольно хорошо сохранившимся – было свыше двухсот лет. Старый монах зажёл несколько свечей и уселся на камень, сложив под себя ноги, как это делают молящиеся. Жёлтое пламя свечи, которую Бруно установил рядом с захоронением, высвечивало во мраке призрачные зловещие очертания скелетов – всё, что осталось от некогда живших тибетцев. Бруно Бегер вынул из сумки измерительный прибор, сделал несколько измерений черепов, лежащих рядом с ним. Потом ему захотелось закурить, но вспомнив, что табачный дым может навредить, чудом сохранившихся, останков, он сунул трубку обратно, в карман. Вынув из сумки блокнот и карандаш, с которыми он никогда в походах не расставался, подсев ближе к горевшей ровным пламенем свече, Бруно сделал запись своих измерений. Начертив табличку, куда он вписал размеры исследуемых им черепов, он перевернул лист и записал: «Изучение останков нордических переселенцев в Тибет на предмет выявления остаточных признаков нордических черт, определение полноценных рас, смешанных и неполноценных, а также исследования влияния климата на психику и физиологию людей...»

Неожиданно он остановил запись. Ему показалось, что пламя свечи чуть заиграло, колыхнулось. Он посмотрел на ровное пламя и успокоился, возможно, ему это показалось. Он огляделся. Кругом были стены в призрачном сумраке. Монах по-прежнему сидел на своём месте, словно каменная статуя Будды, лицом к стене и, казалось, не шевелился. Бруно вновь окунулся в работу. Он полагал, исходя из наблюдений и тех многочисленных исследований, проведённых членами экспедиции и им лично, что некогда господствующая арийская раса распалась по причине скрещивания с низшими расами, но её выжившие представители, то есть древние германцы, могли быть обнаружены среди таинственных мудрецов Тибета. Он предположил, что возможный много веков назад бунт, атланты могли легко подавить, если бы не предательство среди них самих.

Он сделал запись на основании исследования и, желая подтвердить то, что от него хотели услышать, написал: «Исследуемые мной черепа древних тибетцев могут быть звеном для германо-японского альянса».

Он вновь задумался. Перед его глазами пролетели десятки, сотни тибетских лиц. Он сравнивал их с арийскими чертами. Собрав воедино сходства и отличия, в его сознании созрело несколько теорий. Согнувшись над блокнотом, он сделал запись: «Тибетцы занимают промежуточное положение между монгольскими и европейскими элементами, явно проявляющиеся среди аристократии...» Так нужно было Германии, это нужно было Гиммлеру и фюреру.

Неожиданно, ему вновь показалось, что пламя свечи отклонилось. Он перевёл взгляд на свечу, пламя восстановилось, но он успел заметить, что незначительное отклонение было. Он сунул блокнот и карандаш в сумку, взял свечу в руки и медленно пошёл вдоль стены, где лежали скелеты. Монах по-прежнему хранил покой и казался безучастным. Слабый свет свечи освещал Бруно путь. Он отделился от входа в захоронение. Казалось, что туннель не имел границы, но вот в пляшущем пламени появились очертания стены. Это был тупик, дальше хода не было. Он остановился, но, к его удивлению, пламя продолжало отклоняться, словно он шёл. Тщательным образом, исследовав стену, где не было ни одного скелета, он заметил, что в ней есть проход. Здесь, совершенно незаметно для наблюдателя, стоявшего поодаль от тупика, стена заходила за стену. Оглянувшись, он смог различить неясный силуэт монаха, по-прежнему сидящего у входа. Казалось, что он спал сидя. Пройдя за стену, Бруно оказался в небольшом сыром помещении. Он ясно видел его удивительно ровные стены и ниши в них. Чёрные, казавшиеся, бездонными, дыры в стенах, оказались не пустыми, в них были скелеты. В каждой нише по одному захоронению, то есть по одному скелету. Пройдя одну стену, он вдруг наткнулся на небольшую – высотой в полметра – пирамиду черепов. Что-то зловещее было в этой мрачной пирамиде. Черепа были уложены друг на друга очень

аккуратно. Внизу были большие черепа, возможно, взрослых людей, далее черепа уменьшались в размере. На самом верху располагался очень маленький череп, видимо, принадлежащий ребёнку. Какая неведомая и страшная болезнь погубила всех этих, некогда живших, людей?

Бруно выпрямился, чтобы осмотреть противоположную стену, но, не успев отойти от пирамиды, он вдруг услышал позади шорох. Он вздрогнул. Оглянувшись, он увидел пирамиду. Казалось, что ничего не изменилось. Все черепа были повернуты под одним углом и, казалось, смотрели на него своими чёрными дырами, где когда-то были живые глаза. Леденящая волна прокатилась по его спине. Какое-то скрытое чувство тревоги посетило его разум. Он успокоился, подумав о крысах, и уже хотел повернуться, как вдруг пламя свечи выхватило из мрака лежащий на полу череп. Очевидно, он скатился с пирамиды. Бруно присел, взял в руки череп. На первый взгляд он мало чем отличался от уже исследованных черепов. Бруно вдруг захотелось нарисовать его. Он сел на каменный пол, поставил свечу на пол, достал блокнот с карандашом и принялся рисовать. Пламя свечи бросало тень, неудобную для рисования – не были видны кости лицевого черепа. Бруно решил поправить череп. Он взял его одной рукой, аккуратно придерживая пальцами за основание черепа. Ему показалось, что череп зловеще улыбался. Второй рукой он поправил нижнюю челюсть, казавшуюся ему, расположенную в неестественном положении – слегка сдвинутой в сторону. Но лишь прикоснувшись к костям челюсти, череп развалился в его руках. Видимо, он был слишком хрупок от времени. Всё что он успел поймать, на лету – было костями (всё ещё державшимися вместе) верхней части черепа. Он осмотрел его, заглянув внутрь. В пляшущем пламени свечи, которое вновь необъяснимо заиграло, он увидел неясное изображение – какие-то полосы. Ровные полосы, были расположены на теменной и лобной кости, с их внутренней стороны. Что это? – думал Бруно. – Игра воображения, или света и тени. Он присмотрелся, приблизив свечу к костям. Сомнений быть не могло. Полосы напоминали неглубокие царапины, словно кто-то звериными когтями прошёлся по внутренней стороне черепа в области лобной теменной кости. В более ярком свете, приблизив свечу почти вплотную к почерневшей от времени лобной кости, он вдруг заметил, что полосы, расположенные в три ряда, казались прерывными – они распадались на короткие и длинные отрезки. Он исследовал эти странные линии и пришёл к поразительному, почти зловещему выводу: все короткие отрезки были равны друг другу, а длинные были равными между собой. Что это, простое совпадение или закономерность? Поразмыслив, он пришёл к заключению, что странные полосы из коротких и длинных отрезков были сделаны кем-то. Но как это могло быть, ведь череп, когда Бруно в первый раз взял его, казался целым?

Он поднялся и подошёл к пирамиде, откуда, возможно, скатился удивительный череп. Найдя место, где отсутствовал череп, он брал в руки черепа и разламывал их. К его удивлению внутри черепов не было найденных им ранее полос, кости были сухими и гладкими. Пламя не отклонялось. Он пытался отыскать источник сквозняка, но ничего не нашёл. Пламя свечи застывало всякий раз, когда Бруно тщетно осматривал стены и углы комнаты. Бруно торжествующе показал свою находку своему другу, Эрнсту Шефферу. Тот внимательно осмотрел её, вертя в руках.

– Ты уверен, что череп был цел, когда ты его обнаружил? – спросил Шеффер.

– По-твоему я держал череп впервые, – возмутился Бегер. – Через мои руки прошли тысячи черепов. Этот был цел, но стоило мне прикоснуться к нему, как он развалился.

– Какие идеи у тебя на счёт этих странных рисунков? – задумчиво спросил Шеффер.

– Ты полагаешь... – он задумался. – Ты считаешь, что это рисунок?

– У тебя ведь бродит в голове та же мысль, не так ли? Иначе, зачем ты мне это показал.

– Меня удивило, что линии были сделаны, как будто...

– Ты хочешь сказать, что это царапины?

– Да, царапины. Но как?

Шеффер ничего не сказал. Он приподнял брови, окунаясь в фантастические образы. Что-то сравнивая и анализируя.

– В одном из своих исследований, я столкнулся с похожими чёрточками.

– Так, так, – заинтересованно сказал Бруно. Его глаза засветились.

– Сейчас вспомню, ах вот... – Шеффер рылся в своей памяти, словно вспоминая давнюю информацию, – один из математиков, я не помню сейчас его фамилии, он открыл забавный код. Там были лишь два числа: нули и единицы. Ему удалось с их помощью, описывать любые числа. Представляешь, лишь два значения: пустота и единица определяют всё сущее. Как просто, – говорил я тогда, это было фантастично.

– Что он тогда исследовал?

– Не помню. Он был американцем. Это было в 1932 году. Здесь, в Тибете, он сравнивал древние ритуальные символы, наподобие свастики. Помню, перед ним был рисунок: круг с чёрной и белой каплей в нём. Это, если не ошибаюсь, знак Великого Предела – Инь и Ян.

– Что они означают?

– Две противоположности. Тибетские мудрецы говорили, что эти противоположности заключают в себе зашифрованную, скрытую формулу законов существования. Древние философские категории. Ими можно всё определить, объяснив все законы и явления природы.

– Давай вернёмся к этому американцу, – предложил Бруно.

– Какому?

– Ну тому, кто занимался математической расшифровкой двух чисел.

– Он полагал, что лишь два числа могут определить мир.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросил Бруно.

– Всё и ничего. Ноль и единица могут определить или зашифровать божьи законы. Законы тех, кто создал мир, тех, кто жил когда-то.

– Атланты, – невольно вылетела догадка у Бруно.

– Да, древние боги, населявшие землю. Это были первые подобные нам существа.

– Так ты полагаешь, что эти чёрточки, – короткие и длинные, есть не что иное, как зашифрованное послание? – спросил Бегер.

– Ты хорошенько исследовал характер их начертания?

Бруно поднял со стола кость черепа и внимательно всмотрелся в нацарапанные линии.

– Ты это хочешь показать Гиммлеру и фюреру? – спросил Бруно.

– Ты сам покажешь. Это по твоей части, и потом, это же ты их обнаружил, – ответил Шеффер.

Он подошёл к товарищу и указывая пальцем на кость сказал:

– Смотри, вот здесь и здесь, видишь? Они не повторяются.

– Так, и что? – спросил слегка заинтересованный Бегер.

– Это послание. Пусть наши спецы, математики и криптологи расшифруют эту запись. Я уверен, что это не просто случайные линии. Они хранились много веков.

– Но как они оказались внутри черепа?

– А ты можешь на все вопросы ответить? Если это шифр, то фюрер должен знать первым его значение.

Глава 4. Шахта со стальной дверью номер восемь

7 апреля 1945 год, 300 километров на юго-запад от Берлина.

День был пасмурным, накрапывал дождь. Холодные капли апреля то падали, добавляя к туману сырость и прохладу, то внезапно погода замирала, – прекращая мелкий дождь. В не паханных полях царствовали клубни пара, укутывающих чернозем.

Тяжелая техника свободно, без сопротивления со стороны немецких частей, продвигалась по размытой дороге. Впереди, рыча, ползли два лёгких американских танка, за ними, не спеша ехала бронированная машина, далее ехало два тяжёлых грузовика с солдатами. Несмотря на серость погоды, солдаты не унывали: они шутили, с лицами победителей осматривали проезжающие деревни, казавшиеся вымершими.

Колонна, проехав селение, выехала на окраину, где вдоль земляной дороги тянулись виноградные поля. Голые кусты винограда, не успевшие укрыться зеленью, аккуратно посаженные заботливой рукой, тянулись вдоль поля ровными рядами.

Неожиданно колонна остановилась, моторы ещё рычали в ожидании хода. Несколько офицеров выпрыгнули из бронированной машины в придорожную грязь. Танкист, держа за руку девочку лет двенадцати, подошел к офицерам.

– Вот, – сказал сержант, указывая на девочку, не отпуская ее руки, – вот виновница остановки.

– Что случилось? – спросил капитан, строгим тоном. Он оглядел девчонку, стройную, румяную, в сером платье и вязаном свитере, в чёрных сапожках.

Девочка, с нескрываемым интересом поглядывала на бронированную машину, из которой раздавался приглушённый хриплый мужской голос.

– Что там?! – раздался мужской твердый и властный голос.

– Сейчас узнаю, генерал, – ответил капитан, обращаясь к хриплому голосу. После этого он развернулся к сержанту. – Так что случилось? Она видела немецких солдат?

– Я не знаю, – ответил танкист. – Я не понимаю по-немецки.

– Хорошо, – высокий капитан присел возле девочки, чтобы быть с ней наравне. – Ну, рассказывай, почему остановила нас? – сказал он на немецком, мягким голосом, каким говорят взрослые с детьми, пытаясь узнать у них что-то.

– Солдат здесь нет, – ответила девочка, но... – она, засмушалась и робко бросила взгляд в сторону машины, из которой осторожно вылезало грузное тело генерала.

Офицер поднялся, чтобы доложить начальнику. Генерал Джордж Паттон, не спеша подошёл к офицерам. На его лице проскользнула улыбка, когда он увидел среди подчинённых черноглазую девочку, не сводившую любопытных глаз с него.

– Вот, виновница остановки, говорит, что немецкие войска уехали.

Девочка закивала головой, словно поняла речь офицеров.

– Ты говоришь по-английски? – спросил не спеша, с расстановкой слов, Паттон.

– Немного, – робко ответила девочка.

– Как твоя фамилия? – спросил генерал.

– Йонер, – ответила девочка.

– Скажи, а немецкие солдаты давно ушли?

Девочка не поняла вопроса, её глаза выражали непонимание. Но вместо ответа, она указала куда-то рукой. Генерал посмотрел в указанном направлении. За виноградным полем, укрытая зыбким платьем белого тумана, виднелась, словно призрак, вереница гор.

– Что там? – хриплым голосом спросил генерал Паттон.

– Солдаты, там солдаты... – девочка хотела что-то сказать, но внезапно умолкла, что-то помешало ей.

– Что ж, значит, нам предстоит ещё один бой, – заключил Паттон. – По машинам, – скомандовал он.

Бронированная колонна объехала поля и приблизилась к подножию горного хребта. Дождь лишь слегка моросил, туман, укрывавший горы, поглотил военную колонну. Проехав ещё метров двести, техника остановилась. Солдаты вышли из машин.

– Тихо, – сказал Паттон, прислушиваясь к горам. – Танки оставим здесь.

– Дорога широкая, мы сможем проехать, – сказал танкист.

– Я в этом не сомневаюсь, сержант, но туман... он может играть на руку противнику. В нём легко скрыться и напасть. Если там нас ждут, то бой будет не в нашу пользу. Сперва следует ощупать, проверить, что там нас ожидает. Понимаете?

– Да, генерал, – в глазах танкиста видна была готовность.

– По нашим сведениям немцы ещё вчера покинули свои части. Но девочка говорит, что там что-то есть. – Он обратился к капитану, – возьмите шесть человек и, предельно тихо, ступайте вперёд. Надеюсь, что рык наших танков не был услышан противником. Туман вам поможет подойти незамеченным.

– Вы полагаете, что немцы спрятались в горах? – спросил майор, обращаясь к генералу.

– Вряд ли, они, скорее всего, уже драпанули. Но проверить надо.

Разведчики скрылись в тумане. Солдаты и танки заняли оборону у склона, направив оружие и дула танков в сторону ущелья, вдоль которого тянулась дорога, укутанная туманом.

Спустя час, вернулись разведчики.

– Вам надо это видеть, – доложил капитан.

– Что там, не тяните? – раздражённо, с нетерпением спросил генерал Паттон.

– Дорога эта ведёт в соляную шахту. Видимо, местные мужчины работали в этой шахте.

– До ближайшего города не менее пятидесяти километров, – размышляя, сказал Паттон.

Генерал раскрыл карту.

– Вот, видите, – генерал указал пальцем на карте. – Это шахта, кайзеродова шахта.

– Немецких солдат нет, только строительные и подсобные деревянные постройки, рельсы, несколько десятков вагончиков у входа.

– Люди есть?

– Нет, всё выглядит безлюдно.

– Заброшенная шахта, – сделал вывод Паттон.

– Но, кое-что мы обнаружили.

– Что же? – заинтересованно спросил Паттон, в его глазах заиграл огонек.

– Протекторы шин. У входа мы обнаружили, хорошо отпечатанные следы грузовой машины.

– Выгружали соль, мешки, для этого нужна тяжёлая машина, – предположил майор.

– Всё бы ничего, если бы...

– Что? Не тяните, – раздражённо спросил Паттон.

– Это протекторы от военной грузовой машины. Я это знаю, потому что видел уже такие. И научился отличать следы военных машин. Техника немецких машин хорошая, и оставляет чёткие следы. А ещё, там есть следы сапог, возможно, были солдаты.

– Вы уверены, что были, а не находятся? – спросил майор.

– Снаружи всё кажется тихим, заброшенным, – ответил капитан. Они там были, самое позднее, вчера. Следы ещё не успело размыть погодой. Свежих следов нет.

– Хорошо, предлагаю наведаться и проверить, – предложил Паттон.

– Если немцы уехали, то, что нам там делать? – спросил майор.

– А мы проверим, что это они там делали, в горах, вдали от городов, – пояснил Паттон.

Танки и люди без труда добрались до заброшенной шахты. Танки поставили поодаль друг от друга. Солдаты заняли оборону, прячась за техникой и деревянными рабочими постройками, брошенными.

Генерал, капитан и двадцать солдат вошли в шахту. Туннель казался безлюдным. По краям, у стен лежали разбросанные доски, разорванные мешки с углём, перевёрнутые на бок пустые тележки. Капитан заглянул в одну из тележек, на борту которой выведен фашистский крест.

– Пустые и чистые.

– Что значит «чистые»? – удивился Паттон.

– Посмотрите сами, абсолютно гладкие, нет ни пылинки.

– Странно.

– Почему? – спросил капитан.

– В них нет соли. Ни одной крупинки.

– Немцы очень педантичны и исполнительны, – ответил капитан. – Соль была в мешках, хорошо завязана.

– Чёрта с два, капитан, – выругался Паттон. – Хоть крупинка, да должна быть, а тут чистота, словно в... – он подыскивал сравнение.

– Слово в банке?

– Да, верно. Что-то здесь не так. Нюхом чувствую подвох.

Они шли в полумраке, освещая путь несколькими фонариками. С того времени, как они вошли в шахту, прошло более часа. Немцев нигде не было. Удивляла извилистость штольни. По подсчётам генерала Паттона, они спустились ниже уровня земли, не меньше трёхсот метров, и прошли более пяти километров. Туннели разветвлялись, сходились, имели углубления, напоминающие подсобные помещения, с гладкими стенами. В одной из таких комнат они обнаружили научную лабораторию, в другой – аккуратно сложенные толстые папки бумаг.

– Это отчёты, бухгалтерия, какие-то цифры, – заметил капитан, пролистывая толстые тетради. – Здесь что-то исследовали.

– Всё это надо опечатать, – сказал генерал Паттон. – может, что-то важное. Ведь не зря немцы так старательно тут трудились.

– Над чем? – спросил капитан, он понял, что генерал о чём-то догадался, глядя на стеллажи с бумагами.

– Вас не удивляет длина этой штольни? – спросил Паттон. – А ведь мы ещё не приблизились к дну.

– Шахта имеет, пять входов – заметил капитан.

– Рыли со всех сторон. Основательно. Немцы не станут так глубоко рыть. Это работа военнопленных, в большом количестве, работы здесь было немерено.

– И куда они делись?

– Их наверняка уже нет в живых. Что-то здесь не так.

В одном из крупных помещений был обнаружен склад, пустой склад. Здесь были в огромном количестве мешки, пустые, разной длины.

Капитан что-то считал. Генерал спросил его, чем он занят.

– Кажется, тринадцать, – ответил капитан. – Вот этот тринадцатый.

– Вагон? – спросил генерал.

Солдаты, с тревогой в глазах и скрытым страхом поглядывали по сторонам, стараясь разглядеть во мраке движущиеся тени. Фонарики освещали их лица, лучи падали в густую темноту туннелей и там терялись в, казавшемся, бездонном мраке – чернее ночи.

Некоторые помещения были закрыты от любопытных глаз массивными металлическими дверями. Что-то скрывалось за ними? Но почему немцы, почувствовав силу противника, и уступив ему, так легко бросили эти длинные, вырытые на много десятков километров, туннели, запорев на замки помещения?

– Эти запоры, – сказал солдат, потянув дверь на себя.

– Странно это, – заметил генерал. – Если ты знаешь, что нужно отступить, то зачем запирать? Скорей всего они всё взяли с собой.

– Да, многие помещения открыты: склады, бухгалтерия, лаборатория, – сказал капитан.

– Но эти двери запоры. Почему?

На двери, выше человеческого роста, виднелась цифра восемь.

– Там есть ещё такие же запоры двери! – сказал один из солдат.

– Что-то хранится за ними, – предположил генерал.

– А может, и нет, немцы ведь исполнительны. Если был приказ запореть, то они сделают это, – сказал капитан, – даже если за ними ничего нет.

– Если, капитан, был приказ запореть, значит, в этом была необходимость.

– Но тогда почему же здесь нет охраны? Они что, рассчитывают на толстые двери? Мы можем взорвать их динамитом, – предложил капитан.

– Хорошая идея, капитан. Несите.

– Вы серьёзно, генерал?

– Вполне. Раз немцы запорли, значит, они хотят, чтобы мы их вскрыли. Положите у дверей динамит. И длинный запал. Кто знает, что еще разрушится, кроме двери. Я не хочу здесь застрять навеки.

Несколько солдат установили шашки динамита, прикрепив их к металлической двери с номером восемь. Все стали на почтительное расстояние, безопасное в случае обвала.

– А обвала не будет? – спросил один из солдат.

– Если и будет, то не здесь, мы на безопасном расстоянии, – ответил капитан.

Фитиль был зажжён, и все залегли в ожидании взрыва. Спустя несколько минут прогремел оглушительный взрыв. Облако пыли неторопливо расходилось. Направленные лучи фонариков судорожно выхватывали тёмное расширяющееся облако. Где-то в глубине чёрного облака пыли, что-то со скрипом треснуло и с грохотом рухнуло. Холодная, леденящая волна прокатилась по спине капитана, словно что-то злое коснулось его. Солдаты испуганно выглядывали из своих укрытий, нацелив в надвигающуюся на них тьму дула своих дрожащих автоматы.

Глава 5. Смертельный след

1975 год, Ленинград.

Он открыл окно. Весенний ветерок приятно прикоснулся к утомлённому лицу. Благоухающий аромат весны в купе с утренней свежестью наполнили грудь майора Сергея Ефремова. От приятного пробуждения он закрыл глаза. За окном доносился отдалённый жужжание автомашин, тихий голос пробуждающегося утреннего города. Прикрыв окно, он полил вазоны, где мирно, не зная суеты и страстей, росли комнатные ухоженные растения. Сделав чашку кофе, он вновь сел за стол, где провёл предутренний час в размышлении над уголовным делом, начатым месяц назад.

Ему было почти тридцать восемь лет. За плечами майора десятки раскрытых убийств и краж. Порой достаточно лишь взглянуть в дело, и он мог выявить след преступника. Чутьё опытного следователя подсказывало ему, что на этот раз он и его отдел встретились с опытным и сильным противником: дерзким, матёрым хищником, готовым на всё, ради наживы. Но и такого можно было без труда выловить. Однако в этом деле было не всё так просто. Какое-то шестое чувство подсказывало Ефремову, что везение преступника не случайно. Даже если работала бы целая банда сообща, у них не получалось бы так ловко уходить от работников уголовного розыска. Он открыл папку с уголовным делом, и ещё раз, просматривая отчёты сотрудников и заявления потерпевших, углубился в это странное и запутанное дело.

Первым заявлением о хищении ценностей поступило от гражданки К. Вдова известного на весь Союз писателя находилась на светском балу, в то время как её квартиру обокрали. Преступники торопились, об этом говорит характер их действий в квартире потерпевшей. Их было несколько. Они унесли пару полотен известных художников, несколько меховых шуб, золотые украшения и деньги. В каком месте находились ценные вещи, они знали заранее. Однако удивительным образом преступники проглядели, висящие на видном месте, более дорогие картины. Что это? Простое незнание, не профессионализм или...

Ефремов задумался. Работали быстро, словно профессионалы, но были слепы, будто мальчишки. А что, если преступников навели, и даже указали им – что и где брать? В спешке, они не думали и брали только то, что им указали. Но это была далеко не единственная загадка в этом деле. По словам вдовы: у неё пропала шкатулка с драгоценностями, которые достались ей от покойного мужа. Она очень гордилась и ценила их, может, даже больше своей жизни. Писатель был известен на всю страну, был любимчиком партийной элиты. Много работал, путешествовал за границей. Именно за рубежом он покупал не малой цены драгоценные изделия, инкрустированные рубинами, изумрудами и алмазами. Все их он дарил любимой жене по возвращении из-за границы или во время путешествия. Вдова ни в чём себе не отказывала, муж хорошо её обеспечил.

Исчезновение шкатулки с драгоценностями у вдовы известного писателя тут же облетела высшие круги общества. Одна лишь брошь, содержащая несколько десятков изумрудов и большой рубин в центре, стояла по оценкам специалистов, не менее полумиллионов долларов.

Такой странный выбор преступников сразу же заинтересовал майора Ефремова и его помощников: капитана Полякова и лейтенанта Осипова. Они втроем, размышляя над характером кражи, пришли к заключению, что один из преступников, скорей всего наводчик и организатор, знал о квартире вдовы намного больше, чем его подельники. Об этом говорил тот факт, что шкатулка с драгоценностями была спрятана в секретном месте. Её показала сыщику вдова. Тайник был в тайном отделении секретера, за которым работал писатель.

Немногие знали об этом месте. Почему преступники взяли далеко не ценные вещи (на стене остались куда более дорогие картины), а довольствовались лишь красивыми полотнами, но не имеющие большой цены? Откуда они узнали о тайнике, где хранилась шкатулка?

Было решено опросить тех, кто знал о тайнике. Вдова дала короткий список имён и фамилий. Все оказались столь влиятельными и богатыми особами, что Ефремов и его люди оказались в затруднительном положении. Подозревать в простой краже таких людей было немыслимо. И, тем ни менее, сыщики провели осторожное расследование, ничего не обнаружив. Все подозреваемые вели обычную жизнь светского общества, – встречаясь на различных вечеринках, презентациях, балах, выставках. Мужчины управляли страной, а их жёны купались в роскоши, сверкая драгоценностями. Последнее и навело Ефремова на мысль, что наводчик мог быть кто-то из окружения. Несколько недель назад до кражи вдова была на светском балу, где блистала в неотразимом свете переливающихся изумрудах и рубинов, взятых ею из шкатулки.

Сыщики составили список всех, кто присутствовал на балу, и начали проверять каждого, осторожно, больше наблюдая и спрашивая прислугу, чем ведя допросы. Неожиданно всплыла одна фамилия. Это был молодой красивый юноша, цыган, любимец дам. Звали его Гожа Романо. Его вызвали в уголовный розыск на допрос. На первый взгляд молодой человек, напоминавший плейбоя, вёл себя совершенно спокойно, его удивляло и даже обижало, что именно его вызвали в уголовный розыск, подозревая в краже. Ефремов успокоил молодого человека, сказав ему, что он может помочь следствию. Но расспросы, которые молодому человеку явно не понравились, вывели его из себя. Вскоре начальник уголовного розыска позвонил Ефремову и строго велел больше не трогать молодого человека. Видимо, кто-то из высших кругов сделал звонок генералу и тот велел отпустить подозреваемого и более не трогать его. У плейбоя было алиби, и Ефремов не возражал. Он лишь выяснил, и то с трудом, что за плейбоя заступилась одна дама, имеющая столь влиятельных покровителей, что даже генерал и начальник уголовного розыска отступил, веля своим сотрудникам не вызывать более данного свидетеля. Казалось, что дело остановлено, слежка за цыганом прекратилась.

Ефремов продолжал общение с вдовой, расспрашивая её о том, что она делала в последнее время, чем занималась. Неожиданно выяснилось, что совсем недавно её посетил работник художественного музея, где вдова бывала несколько раз в последнее время. Дело в том, что К. хотела оставить музею часть коллекции мужа. Это были полотна знаменитых художников, как раз именно тех картин, которые не были украдены. Ефремов сразу же ухватился за эту ниточку в расследовании, подобно утопающему, хватающемуся за любой плавающий предмет, не зная, поможет он ему или нет. Выяснилось, что работник музея был не один в доме у гражданки К. Вместе с ним квартиру вдовы посетила молодая женщина, красивая блондинка, француженка, звали её Натали Шатильон. Иностранка училась в МГУ, была студенткой заочного отделения третьего курса. Она изучала живопись, рисовала. В прошлом, она жила в Союзе, в Москве, она познакомилась с богатым французом и вышла за него замуж. Француз очень любил молодую жену, одаривал её подарками и ни в чём ей не отказывал. В квартире вдовы француженка сказала хозяйке, что изучает биографию её покойного мужа, интересуется работами знаменитого писателя. И, узнав, от своего знакомого из художественного музея, о знаменитом писателе, мечтает встретиться с вдовой и побывать в доме, где работал русский писатель.

Ефремов велел установить слежку за француженкой. Он решил больше ошибок не совершать, а действовать наверняка. После скандала с цыганом, второй подобный прокол мог привести к отстранению всей следственной группы от дела. Впервые за всю карьеру следователя, он почувствовал тяжесть и опасность дела. Скандал с посольством ему был ни к чему. Генерал не прощал ошибок. Не прошло и двух дней наружной слежки, как Ефремову доложили, что объект начал нервничать. Блондинка заказала два авиабилета и рано утром

выехала из снимаемой квартиры в аэропорт. Вся группа сыщиков была поднята по команде Ефремова.

В аэропорту француженку ожидал мужчина, красивой наружности, высокий брюнет. Пара совершенно спокойно направилась из зала ожидания к выходу на лётное поле, но неожиданно пара развернулась, и быстрым шагом направилась из аэродрома. Ефремов дал команду взять обоих. Женщина не оказала никакого сопротивления, тогда как её спутник изрядно побегал и помотал группу захвата. Он оказался весьма проворным и сильным. Но, увы, сыщикам радоваться не пришлось. Драгоценностей, похищенных у вдовы писателя, не оказалось, ни в багажных сумках, ни в квартирах, где подозреваемые проживали. На допросах женщина весьма была удивлена, что её подозревают в краже, и требовательным и оскорблённым голосом заявила, что она гражданка Франции. На этот раз Ефремову пришлось отступить. Чтобы не было скандала с посольством, сыщики отпустили блондинку, и та спокойно улетела в Париж.

Мужчина, – подозреваемый в краже, уверял, что бежал от сотрудников уголовного розыска, потому что посчитал их нанятыми мужем блондинки боевиками. Однако в процессе следствия выяснилось, что француженка была далеко не эталоном верной жены. Её знали многие в светском обществе, где она охмуряла и заманивала богатых управленцев. Подозреваемого взяли под стражу. Вскоре выяснилось, что он был наводчиком. На него работала француженка, с которой он познакомился, на одном из курортов, лет пять назад. Блондинка, так искушавшая мужчин и соблазнившего французского миллионера, сама попала на крючок, – она влюбилась. Красивый и высокий брюнет с синими глазами, широким лбом и красивым подбородком, окутал блондинку лаской и заботой. Она растаяла, как все влюблённые. Постепенно он смог привлечь любовницу к своим аферам. Блондинка встречалась с богатыми людьми, которых ей советовал любовник, выясняла всё о его тайнах, бывала в шикарных квартирах.

Преступная связь была доказана, пару неоднократно видели жильцы квартиры, где они проживали. Обнаружили вторую квартиру любовника, на которой и отыскивали украденные парой золото и драгоценные изделия. Однако среди найденных предметов не оказалось тех драгоценностей, которые были похищены у вдовы К. Неужели Ефремов ошибся и взял ложный след?

За многочисленные кражи в особо крупных размерах, высокому брюнету грозила высшая мера. Уголовный кодекс в части третьей, статьи 89–93, сказанные Ефремовым преступнику, произвели на последнего решающее действие, и он признался, желая заменить наказание крупным сроком. Дело было серьёзным – кража бриллиантовых изделий, рубиновых и изумрудных украшений вдовы писателя, и генерал уголовного розыска дал согласие, что к преступнику применят другие статьи, если он признается. На допросе Ефремов был свидетелем того, как бледный, почти мертвецкий цвет лица высокого брюнета, любовника француженки, приобрёл жизненный розовый оттенок. И, хотя его лицо не выявляло радости или призрачной улыбки, он всё же был в добром состоянии духа, словно он только что родился или получил вторую жизнь.

Высокий брюнет признался Ефремову, как на исповеди, что невиновен в краже вдовы писателя. Он действительно, намеревался её обокрасть. И для этого договорился с одним вором из Одессы, что тот провернёт это дело. Но, увы, когда высокий брюнет пришёл к нему на квартиру, где должен был состояться делёж, то этого вора, по имени Т., там не оказалось. Т. давно уже съехал с квартиры, в неизвестном направлении.

Казалось, что Ефремов и здесь дал промашку. Похищенные из шкатулки драгоценности превращались не более чем в зыбкий туман. Т. казался призраком. Он мог уже давно продать или вывести из страны украденные ценности.

Т. был не крупным или известным вором в преступных кругах. Ефремов и его подчинённые без труда выяснили всё о разыскиваемом. Но, ни у себя дома, в Одессе, где его ждала молодая жена и маленький сын, ни у матери в деревне, его не оказалось. Ефремов дал данные о Т. во всесоюзный розыск. Но и это не помогло, Т. словно исчез с лица земли. Шло время, и, казалось, что это дело так и останется не раскрытым, если бы не случай.

В Москве, при странных обстоятельствах умер один старый подпольный предприниматель, скупщик драгоценностей. Пожилого мужчину, лет шестидесяти, нашли мёртвым в своей постели. В его руке был зажат пистолет.

На первый взгляд всё выглядело, как самоубийство, если бы не две дырки, обнаруженные в его теле, в области груди. Неужели скупщик краденного сам застрелился, да ещё и дважды выстрелив себе в грудь? Это было явное убийство. Эти строки из дела, написанные младшим лейтенантом московского следственного отдела, весьма заинтересовали Ефремова. В деле были приложены интересные наблюдения за домом убитого. После опроса жильцов дома, где был убит скупщик, выяснилось, что вечером накануне убийства, к скупщику приходила дама. Утром тело подпольного воротила было найдено в постели. Ночью играла музыка из его квартиры. Жильцы вызвали милицию, которая и обнаружила тело. Казалось, что последний, кто видел покойного, была эта неизвестная дама.

Глава 6. Неожиданный поворот в деле

В преступных кругах разыскиваемый вор имел кличку Бес. И действительно, как бы ни старались поймать преступника сыщики, ему удавалось уйти, словно его охраняло везение или тёмные магические силы. Но на этот раз удача улыбнулась сыщикам. Спустя три дня, после убийства скупщика, младший лейтенант пришёл в дом, где недавно было совершено преступление. У московских сыщиков не было сомнений в том, что произошло убийство, а не самоубийство. Поэтому младший лейтенант решил дополнительно расспросить жильцов дома – соседей убитого. После опроса, он уже не сомневался в том, что было совершено хладнокровное убийство. Вероятнее всего, что со скупщиком кто-то не смог поделить украденные вещи. В том, что преступник был профессионалом говорит тот факт, что он не оставил в доме убитого ни единого следа. Но удача порой капризна, не всегда движется по течению.

Младший лейтенант после опроса соседей выходил из дома, и вдруг ему навстречу идёт дама – высокая, в шляпе, завернутая в пышное платье. Сыщику показалось, что женщина узнала его. Что-то странное он почувствовал в её взгляде. Он остановился, глядя ей вслед. Дама, в туфлях на каблуках, прошла мимо парадной, откуда сыщик толь что вышел. В её неумелой походке было заметно, что женщина не привыкла ходить на каблуках. По необъяснимой причине или невероятному чутью сыщика, он повернул и пошёл за дамой. Она заметно ускорила шаг, хотя ей было трудно ходить на каблуках. Сыщик сократил расстояние и решил окликнуть женщину, разыграв влюблённого, желающего познакомиться. К его удивлению, дама не остановилась и не оглянулась, а, сбросив с себя неудобную обувь, пустилась бежать. Сыщик сразу почувствовал во всей маскировке дамы подвох, и пустился в погоню. У беглянки оказались довольно крепкие и быстрые ноги, хотя красивыми их было назвать нельзя. Она свернула в проходной подъезд, затем сиганула через забор. Только здесь сыщик увидел, что дама эта вовсе не дама, а переодетый мужчина. На заборе повис женский парик и шляпа. Преступник выбежал из подъезда, он стремился добраться до людного места и слиться с толпой. Он бежал, довольно быстро, в сторону метро, младший лейтенант начал отставать, он не был готов к таким виражам и способностям преступника. Однако везение преступника подвело. За поворотом дома, на коротком переулке, куда он завернул, прогуливалась пожилая женщина с собакой – немецкой овчаркой, которую не раз хозяйка одалживала милиции для сыскной службы. Почуввав неладное, собака узрела в бегущем по переулку странном мужчине, в женском платье, преступника, и рванулась за ним. Старушка не удержала поводок. Преступнику повезло, что собака, не раз преследовавшая беглецов, находилась, как и положено, в наморднике. Она быстро нагнала его, сшибла с ног и угрожающе приблизила морду к горлу. Преступник не оробел, он стал бороться с собакой, видя, что та в наморднике, стараясь не задеть намордник, хотя собака изо всех сил стремилась снять его. Пока велась борьба, в основном на земле, подоспел запыхавшийся младший лейтенант. Так был пойман Бес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.